

RU

Категории определенности-неопределенности и интенсивности в фейковых новостях: лингвопрагматический и функциональный аспекты

Ляшенко Д. И.

Аннотация. Цель исследования – установление специфики проявления категорий определенности-неопределенности и интенсивности как маркеров фейковых новостей. В статье рассмотрена специфика фейковых новостей через призму лингвистической категории определенности-неопределенности и категории интенсивности, которые репрезентированы в фейках семантикой «неопределенности» и «интенсивности» соответственно. Кроме того, описан механизм речевого воздействия, реализуемого фейком, на реципиента посредством эмоционального канала восприятия информации. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые постулируется возможность идентификации недостоверных материалов по совокупности нескольких параметров, ведущую роль среди которых выполняют категории определенности/неопределенности и интенсивности. В результате проведенного исследования было подтверждено влияние семантики «неопределенности» и «интенсивности» на манипулятивный потенциал фейка, выявлены типичные лингвистические средства выражения данных категорий, являющиеся характеристикой фейковых новостей, а также средства маскировки поддельных сведений. В работе были установлены основания синергетического эффекта категории неопределенности и интенсивности, обеспечивающие успешное функционирование подделки. Предлагаемый подход к исследованию данного феномена может являться основой для разработки автоматизированных моделей для выявления фейков в рамках лингвистической экспертизы.

EN

Categories of definiteness-indefiniteness and intensity in fake news: linguopragmatic and functional aspects

D. I. Lyashenko

Abstract. The aim of this research is to identify the specific manifestations of the categories of definiteness-indefiniteness and intensity as markers of fake news. The article examines the specifics of fake news through the prism of the linguistic category of definiteness-indefiniteness and the category of intensity, which are represented in fake news by the semantics of “uncertainty” and “intensity”, respectively. Furthermore, the mechanism of linguistic influence exerted by fake news on the recipient through the emotional channel of information perception is described. The scientific novelty of the research lies in the fact that it is the first one to postulate the possibility of identifying unreliable materials based on a combination of several parameters, among which the categories of definiteness/indefiniteness and intensity play a leading role. The study confirmed the influence of the semantics of “uncertainty” and “intensity” on the manipulative potential of fake news. Typical linguistic means of expressing these categories, which are characteristic of fake news, as well as methods for disguising false information were identified. The paper established the foundations for the synergistic effect of the categories of uncertainty and intensity, ensuring the successful functioning of misinformation. The proposed approach to studying this phenomenon can serve as a basis for developing automated models for detecting fake news within the framework of linguistic expertise.

Введение

Стремительное распространение фейковых новостей стало одной из значимых проблем современного медиадискурса. Уменьшение доли достоверных текстов, подмена фактов действительности фейками ведут к трансформации поведения или общественного мнения. Будучи своего рода симулякрами, подобные недостоверные материалы выступают инструментом речевого воздействия на широкую аудиторию, что впоследствии ведет к снижению доверия к СМИ и общественным институтам. «Эпидемия» фейковых новостей,

их растущее число и деструктивное влияние на социум становятся серьезной проблемой, что связано с отсутствием своевременной идентификации подлога. Трудности выявления фейков зачастую обусловлены недостаточной разработанностью его структуры, лингвистических и прагматических характеристик, упрощающих процесс верификации недостоверных материалов.

Актуальность данной проблемы определяется рядом факторов. Во-первых, растущее число фейковых новостей среди всех текстов медиадискурса продолжает увеличиваться в эпоху цифровых технологий, когда скорость распространения информации значительно возрастает. Во-вторых, внесение измененных сведений в сознание и, как следствие, частичная или полная трансформация картины мира реципиента могут иметь деструктивные последствия как для отдельной личности, так и для общества в целом: от угрозы причинения вреда отдельному лицу до разжигания религиозной, межнациональной и/или межэтнической розни и эскалации конфликтов на высоком уровне. В-третьих, все это определяет необходимость разработки эффективных инструментов для выявления фейковых новостей и противодействия им. В этой связи требуется понимание механизмов речевого воздействия, реализуемого в фейках, и определение факторов, обеспечивающих маскировку поддельной информации. Установление подобных характеристик позволит разработать четкую систему параметров идентификации фейка в рамках юридической лингвистики и теории речевого воздействия и манипуляции в целом.

Идентификация фейковых новостей – задача непростая. Она осложняется тем, что внешне фейк ничем не отличается от обычных новостей. В этой связи не существует критерия, которого было бы достаточно для установления ложного характера репрезентируемой информации. Однако сочетание отдельных специфических черт фейковых новостей позволяет с высокой долей достоверности их идентифицировать. Ключевыми здесь выступают такие признаки фейка, как семантика «неопределенности» и «интенсивности».

Обе категории характеризуются высоким уровнем обобщенности семантики (Меликян, Меликян, 2024, 83-84), что и позволяет говорящему использовать языковые средства, репрезентирующие их в качестве «маскировочных» ресурсов.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

- выявить средства выражения лингвистических категорий неопределенности и интенсивности в фейковых новостях;
- определить функции данных лингвистических категорий при создании и реализации фейка;
- проанализировать комплексное влияние неопределенности и интенсивности на восприятие информации.

В рамках данного исследования представляется целесообразным применить методы дефиниционного анализа для определения содержания категорий неопределенности и интенсивности, описательный метод, метод сравнительного и критического анализа при рассмотрении средств реализации данных категорий в рамках фейковых и достоверных материалов медиадискурса, метод контент-анализа для установления частотности анализируемых языковых средств, а также метод дискурс-анализа для выявления интенции автора фейков, эксплицируемых коммуникативных стратегий и тактик, установления языковых и прагматических особенностей недостоверных текстов.

Материалом для исследования послужили составленные автором корпуса недостоверных и достоверных новостей общим объемом 200 текстов. Создание корпусов осуществлялось посредством ручного контент-анализа: отечественные СМИ и их Интернет-страницы были проанализированы на предмет наличия фейков, при этом для каждой недостоверной новости было выпущено опровержение, что официально закрепляет статус вычлеченных материалов как фейка. Достоверные тексты были собраны сходным образом, однако для них критерием «достоверности» являлось наличие указанных сведений в ряде официальных информационных ресурсов с признанной репутацией достоверности.

Теоретическую базу исследования составляют работы в области прагмалингвистики и теории речевого воздействия (Копнина, 2008; Макаров, 2003; Почепцов, 2015; Шейгал, 2000), основы теории фейков и методологические разработки фейковых новостей (Галышина, 2021; Ильченко, 2016; 2018; 2023; Иссерс, 2014; Стернин, Шестерина, 2021; Pennycook, Bear, Collins et al., 2020; Tandoc, Lim, Ling, 2018; Wang, 2020), определяющие их сущность, характеристики и языковые маркеры. Кроме того, в основу исследования легли работы отечественных ученых, посвященные установлению содержания категорий неопределенности (Николаева, 1979; Уляшева, 2006; Tversky, Kahneman, 1974) и интенсивности (Лихачева, 2012; Туранский, 1990), средств их репрезентации в текстах разных жанров. Представленное исследование также опирается на основные положения теории дискурса и медиадискурса (Арутюнова, 1999; Дейк, 1989; Иссерс, 2008; Gal, John, 2013; Searle, 1999), что позволило рассматривать фейк как элемент манипулятивного медиадискурса. Обращение к эпистемической и деонтической модальности (Клеменова, Кудряшов, 2018; Míguez, 2022; Murray, 2021) помогло раскрыть механизмы воздействия на потенциальную аудиторию посредством создания впечатления вероятности или сомнительности фактов реальности и формирования чувства необходимости или запрета. Опора на основные положения теории манипуляции и пропаганды (Денисов, Хорошева, 2015; Копнина, 2021; Шейгал, 2000) позволила выдвинуть гипотезу о синергетическом эффекте анализируемых категорий, сочетание языковых средств которых оказывает когнитивно-эмоциональное речевое воздействие на восприятие и оценку репрезентируемой информации.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для разработки методик выявления фейковых новостей и производства лингвистической экспертизы недостоверных текстов. Кроме того, предложенные материалы могут привлекаться при создании образовательных курсов по медиаграмотности для учащихся и прочих незащищенных слоев населения, а также при работе

с журналистами и редакторами СМИ, которые стремятся к повышению достоверности и объективности публикуемого новостного контента. В целом же результаты исследования могут показать, как именно связь категорий неопределенности и интенсивности способствует реализации речевого воздействия при производстве фейков, тем самым в дальнейшем установить конкретные эффективные стратегии и тактики противодействия дезинформации.

Обсуждение и результаты

Категория неопределенности является ключевой в фейковых новостях, что определяется стремлением коммуникатора скрыть как значимую «истинную» информацию, так и сам факт подлога, увеличивая период функционирования фейка. В настоящем исследовании мы вслед за Т. М. Николаевой будем понимать неопределенность как элемент оппозиции «определенность – неопределенность»: «Определенности-неопределенности категория – одна из категорий высказывания...; функция ее – актуализация и детерминация имени, демонстрация его единственности в описываемой ситуации (определенность) либо выражение его отношения к классу подобных ему феноменов (неопределенность)» (1979, с. 349). Категория определенности в случае с фейком не представляется релевантной, так как интенция создателя фейковых новостей – скрыть истину, элиминировав значимые детали, позволяющие осуществить верификацию текста.

Категория неопределенности реализуется в недостоверных сообщениях на разных уровнях языковой системы. Так, в результате анализа корпуса фейков было установлено, что наиболее продуктивными лексическими средствами репрезентации данной категории выступают вводно-модальные слова со значением «неуверенности» (*возможно, видимо, вероятно, наверно(-е), может (быть), кажется* и др.), сочетания *как бы* и *якобы*, а также прилагательные *известный, определенный, неопределенный* и их производные. Все эти лексемы, выражая неопределенность и неконкретность, затрудняют дифференциацию объектов фейка, что ведет к усложнению идентификации подделки. В частности, вводно-модальные слова, репрезентируя экспликативную модальность (Казаковская, Онипенко, 2020, с. 246), указывают на отношение коммуникатора к истинности производимого им высказывания (Беляева, 1985, с. 126). Говорящий, пытаясь скрыть подлог, сам невольно его дезавуирует, используя слова с меньшей степенью уверенности: *Режим ЧС может быть введен в течение двух недель, но, возможно, уже до конца этой недели* (Ляув, Ищенко, 2018). Продолжая попытки подчинить фейк законам медиадискурса, автор делает свой текст как бы похожим на «настоящий», в то время как наличие сочетаний *как бы* («употребляется для выражения условно-предположительного сравнения» (МАС, 1999)) и *якобы* («указывает на предположительность высказывания, на сомнение в его достоверности» (МАС, 1999)) дезавуирует подделку, заставляя реципиента задуматься над истинностью сообщаемых сведений: *<...> новость о том, якобы украинские «мошенники украли скифское золото, что хранится в музее Аларда Пирсона в Амстердаме», является неправдивой* («Похищение» скифского золота..., 2018).

На морфологическом уровне недостоверность в рамках медиадискурса реализуется посредством привлечения неопределенных и определительных местоимений, позволяющих автору скрыть значимую информацию, зачастую умолчать о точном времени и месте описываемых событий, их конкретных очевидцах:

- (1) *Некие люди ходят по городским школам и дают школьникам наркотики под видом конфет* (Васильев, 2018).
- (2) *Если у вас есть какая-либо информация про подобные ситуации на оккупированных территориях, сообщайте нам* (Просим распространить, 2022).
- (3) *Это может произойти в любом городе европейской части России* (По Барнаулу разбросаны..., 2023).

Данное средство, репрезентируя неопределенность и недосказанность на семантическом уровне (место, время, участники событий, значимые характеристики), в то же время реализует анонимизацию источника информации (как самого автора, так и экспертов/очевидцев) посредством формы – неполнозначительных дейктических слов, которые лишь указывают на объект, не называя его. Мнимая иллюзия информированности вводит в заблуждение адресата фейка, создавая впечатление осведомленности автора и тем самым блокируя критическое мышление самого реципиента.

Помимо местоимений, маркером неопределенности в фейках может выступать лексема *один* (в знач. «какой-то, некий» (МАС, 1999)), позволяющая эвфемизировать сам объект фейка или его признаки. Конкретная номинация подменяется описательным оборотом, что ведет к усложнению процесса верификации вследствие отсутствия точных сведений: *сообщил один из них, один из жителей, в одном из ресторанов, ссылались на одного журналиста* и т. д. Для выражения сомнения и неопределенности также привлекаются частицы *вроде, ли* и *вот*, при этом последняя языковая единица не прямо свидетельствует о неуверенности, а лишь указывает на нее, выступая косвенным показателем неопределенности:

- *вроде* – «указывает на предположительность высказывания, на сомнение в достоверности чего-л.» (МАС, 1999);
- *ли* – «с некоторыми словами (наречиями, частицами, существительными и т. д.) образует сочетания со значением сомнения, неуверенности, нерешительности и т. п.» (МАС, 1999);
- *вот* – «употребляется для уточнения и усиления значения последующего слова или высказывания в целом» (МАС, 1999).

Синтаксические средства выражения категории неопределенности представлены в меньшей степени. Преимущественно это тема-рематическое членение предложения и инверсия, позволяющие коммуникатору

внести в сознание реципиента достоверную информацию, а после, «заслужив доверие», – дезинформировать его. Этой же цели служат и вопросительные конструкции, которые заставляют адресата рассуждать о выгодных коммуникатору темах, зачастую далеких от самих искаженных материалов. Смещение фокуса внимания позволяет избежать быстрого разоблачения фейковых новостей, продлив тем самым срок существования подделки. Здесь же следует упомянуть речевые приемы, направленные на маскировку отсутствия достоверных фактов посредством интенсификации воздействия на эмоции реципиента и создания впечатления значимости предоставляемых сведений: приемы «загадка» (интрига), «аттракция», «намек», «мнимое доказательство», «недосказанность» и «обобщенный источник» (данное объектное пространство представляет собой предмет отдельного исследования). Эти средства способствуют реализации перлокутивного эффекта фейка через сокрытие важных для верификации новости деталей.

Следует особо отметить, что в рамках настоящего исследования были также установлены средства маскировки информации, которые, являясь характерными чертами текстов медиадискурса, в фейках имплементируют искажение фактов объективной действительности и маскируют обман: лексические единицы со значением класса объектов действительности как единое целое, индивидуальные имена собственные со значением индивидуализирующей определенности и неопределенно-личные и безличные конструкции.

Далее рассмотрим фейковую новость, в которой категория неопределенности репрезентирована достаточно ярко (орфография и пунктуация новости сохранены):

Педагоги украинской школы №-106 в Запорожье на Украине превзошли всю имеющуюся на сегодняшний день украинскую патриотическую истерику. На уроках в начальных классах учителя призвали детей спасать зимой от голода синиц и уничтожать снегирей.

Синица, имея желто-голубую раскраску символизирует собой Украину, а красно-грудый снегирь олицетворяет имперское, красное зло по имени СССР и его правопреемника Россию. Каждый снегирь у кормушки, сделанной руками украинского ребенка отбирает у синички (Украины) еду.

И по этой причине снегирей желательно не кормить. И если прогнать или например, застрелить снегиря из пневматического оружия, это будет особо символичным жестом в борьбе за победу всего Украинского. Сообщает источник из популярного запорожского чата.

Многие родители в шоке от инициативы детей, которую они принесли с урока природоведения. Причем, пока ни кому не понятно, что делать с другими птицами, не имеющих политической раскраски. Например с воробьями или воронами? (На Украине педагоги..., 2014).

В данном случае автор новости называет конкретное место описываемых событий, однако их непосредственные участники не определены: имеется лишь указание на общности посредством привлечения лексических единиц со значением класса объектов действительности как единого целого (*педагоги, учителя, дети, ребенок, родители, птицы, воробьи, вороны*). Кроме того, источник информации также не определен (*сообщает источник*), что не позволяет оценить его как авторитетный, заслуживающий доверия, в то время как сам материал, по все видимости, был позаимствован из чата в мессенджере. Однако коммуникатор и здесь скрывает информацию, замещая конкретную номинацию эвфемистичным оборотом *популярный чат*. Не меньше вопросов вызывает и потенциальная аудитория, чью реакцию так ярко описывает автор фейка: *«Многие родители в шоке от инициативы детей...»*. В данной новости активное использование неопределенных и определительных местоимений в комплексе с безличными конструкциями на уровне синтаксиса позволяют заместить значимые детали, деперсонализировать участников событий с целью усилить впечатление хаоса и неопределенности, создать ощущение всеобщей причастности к возмутительным, на взгляд коммуникатора, призывам. Все это ведет к успешной реализации интенции автора – дискредитировать систему образования, представители которой призывают к совершению деструктивных действий, а также воздействовать на эмоции реципиента, вызвав возмущение, тревогу и недоверие к объекту фейка.

Другая категория, представляющая значительный интерес в рамках настоящего исследования, – категория интенсивности. Будучи инструментом воздействия на эмоциональный канал, она характеризуется усилением степени признака или действия, что часто ведет к превышению допустимой меры воздействия на реципиента (Трофимова, Меликан, 2022) и росту эмоционального напряжения. В данной работе мы будем придерживаться следующего определения категории интенсивности, предложенного И. И. Туранским: «<...> количественная мера оценки качества, мера экспликативности, показатель содержания коммуникации» (1990, с. 15). Основная функция данной категории в фейковых новостях – привлечение внимания реципиентов вследствие создания «сенсации», получение значительного эмоционального отклика и убеждение потенциальной аудитории в правдивости информации.

Было установлено, что категория интенсивности наиболее активно проявляется на лексическом уровне при помощи апеллятивных имен прилагательных-интенсификаторов, наречий-интенсификаторов, отрицательных местоимений и деинтенсификаторов. В фейковых материалах преобладают апеллятивные имена прилагательных-интенсификаторов, что можно объяснить следующими факторами. Во-первых, данные лексемы преувеличивают признаки объектов для выражения экспрессии и оценочности в нужной автору тональности: гиперболизируя отдельные черты, говорящий/пишущий придает тексту определенную эмоциональную окраску, тем самым воздействуя на эмоциональный канал: *изумительное варварство, аномальная жара, мучительная боль* и т. д. Кроме того, использование подобных лексем свидетельствует о стремлении коммуникатора привлечь внимание аудитории к описываемому объекту/событиям для получения ответной реакции: *чудовищная коррупция, одиозная репутация, крайне агрессивная нетерпимость* и пр. Сходным функционалом, направленным на перенесение фокуса восприятия аудитории, обладают наречия-интенсификаторы: *очень*

опасное, очень мало, очень странное и т. д. Реципиент, читая подобные тексты, в первую очередь поражается обилию гипербола, что кажется подозрительным, но впоследствии критическое восприятие отключается, т. к. адресат не верит в возможность автора обманывать буквально во всем и в такой степени.

В то же время деинтенсификаторы и отрицательные местоимения оказались недостаточно продуктивными в фейковых текстах по отношению к «нефейковым», что позволяет квалифицировать их как средство маскировки недостоверных сведений. Указывая на малое количество чего-либо или его отсутствие, подобные лексемы, будучи стандартным элементом медиадискурса, позволяют «спрятать» дезинформацию, сбалансировав гиперболизацию намеренным преуменьшением: *рассказали несколько человек, несколько независимых фотографий, получить через пару дней, улетела еще пару дней назад* и т. д.

Словообразовательный уровень репрезентации категории интенсивности в фейковых новостях представлен незначительно, преимущественно словообразовательными формантами с семой «интенсивности»:

- эмоционально-оценочными словообразовательными суффиксами имен существительных, имен прилагательных и наречий (*чудище, новенький, потихоньку* и пр.);
- префиксами глаголов *вы-, за-, из-, на-, от-, раз-* (*выкопать яму, заговориться, набросать, отойти от власти, разошелся по Сети* и пр.);
- префиксы имен существительных и имен прилагательных *пре-, сверх-, архи-, ультра-, супер- (сверхинтересный, сверхзадача, архиважный, архизлодей, ультрамодный, суперновый, супердержава* и пр.).

Данные языковые средства не вызывают подозрений у неопытного адресата, т. к. являются типичными для системы современного русского языка, что способствует сокрытию факта преувеличения характеристик и/или масштаба описываемых событий, а, значит, и самого факта речевого воздействия. Развенчания фейка не происходит – он продолжает функционировать.

Анализ корпуса недостоверных новостей показал, что с точки зрения грамматики категория интенсивности представлена преимущественно формами степеней сравнения имен прилагательных на морфологическом уровне и побудительно-восклицательными и вопросительно-восклицательными конструкциями на синтаксическом уровне. Формы компаратива, суперлатива и элатива позволяют автору фейка довести эмоциональное напряжение до максимального уровня, вызвав значительную негативную эмоциональную реакцию реципиента в том случае, если предмет сообщения имеет социальное, экономическое или культурное значение: *новейшие самолеты, редчайший случай, наибольшее число заболевших, более полезная информация* и т. д. Данное средство в некотором отношении является достаточно противоречивым. С одной стороны, оно позволяет создать сенсацию, привлечь значительное внимание и дестабилизировать когнитивное и эмоциональное состояние адресата. С другой стороны, привлекая подобные «заметные» средства, коммуникатор может дезавуировать фейк, превысив допустимую меру воздействия, сделав ее очевидной для реципиентов.

Свободные синтаксические конструкции, обнаруживающие большую частотность в фейках по сравнению с достоверными текстами, позволяют мобилизовать эмоциональное состояние адресата, а риторические вопросы – создать чувство сопричастности, важности учета мнения аудитории. Кроме того, подобные вопросительно-восклицательные конструкции помогают коммуникатору расставить смысловые акценты, выделив информацию, значимую для реализации его интенции: «Как тебе такое, Илон Маск?»; «Возможно подобное в Оксфорде или Кембридже?», «Это то, в конце концов, что мы обещали избирателям?».

Приведем пример фейкового сообщения о переходе на электронные паспорта в поликлиниках, которое активно распространялось в мессенджере «Telegram» в декабре 2022 года (орфография и пунктуация сообщения сохранены):

ЧИТАТЬ ВСЕМ!

ИНФОРМИРУЙТЕ АБСОЛЮТНО ВСЕХ !!!

Ни в коем случае не переходите на электронные паспорта в детских поликлиниках, не переходите на электронный учет!!! Вы моментально попадете под торги, то есть по всему миру вас могут рассмотреть как донора на органы!

Каждый сможет посмотреть ваши анализы и состояние вашего здоровья! В РФ Вышел Новый Закон о котором еще мало кто знает.

Читайте Абсолютно Все Бумаги которые вам дают в поликлиниках и больницах !!! В случае если вы подпишите эту бумагу, автоматически станете донором. Информация достоверная!

Копайте интернет и ищите целостную информацию Самое Главное ЗаПОМНИте Ни в коем случае Не переходите на электронные документы !!! (Переход на цифровые паспорта..., 2022).

В данном случае коммуникатор затрагивает социальную тему, актуальную для значительной части общества, что обуславливает повышенное внимание со стороны реципиентов и, как ожидает автор, последующую негативную эмоциональную реакцию – недовольство, негодование и даже гнев (коммуникативная перспектива может быть связана и с конкретными деструктивными действиями: протестное голосование и пр.). Подобный эффект достигается вследствие привлечения средств реализации категории интенсивности на различных языковых уровнях. Так, на лексическом уровне целесообразно отметить активное использование определительных местоимений *весь* («указывает на исчерпывающий охват отдельных однородных предметов, лиц, явлений» (МАС, 1999)) и *каждый* («всякий, любой» (МАС, 1999)), что свидетельствует о масштабе озвучиваемой «проблемы», касающейся «каждого». Подобная апелляция к лицу усиливается при помощи отрицательных местоимений, репрезентирующих категорический запрет (*ни в коем случае*) и неоспоримое требование следовать командам автора сообщения, усиливающее эмоциональное давление на реципиента и ощущение серьезной угрозы.

Подобный психологический прием подкрепляется наречиями интенсификаторами и формой сравнительной степени имени прилагательного, что позволяет повысить накал эмоций, указав на максимальную степень интенсивности: *абсолютно, моментально, автоматически, самое главное* и пр. С точки зрения синтаксиса внимание реципиента привлекает обилие восклицательных конструкций, которые априори воспринимаются сознанием читателя как наиболее важная информация: «*ЧИТАТЬ ВСЕМ! ИНФОРМИРУЙТЕ АБСОЛЮТНО ВСЕХ !!!*». Автор умело сочетает подобные синтаксические единицы с призывами к совершению (несовершению) определенных действий, выраженных при помощи императивов (*читайте, информируйте, копайте, ищите, запомните*), что, во-первых, усиливает воздействие на эмоциональный канал, блокируя при этом критическое восприятие информации, во-вторых, подчеркивает необходимость немедленного совершения действия – ответной реакции. Парцелляция в сочетании с повторами позволяет закрепить сообщаемую новость в сознании реципиента, усилив при этом деструктивный эффект. В целом, привлечение значительного числа средств репрезентации категории интенсивности позволяет автору фейка успешно воздействовать на адресата, вызвав у него чувство тревоги и угрозы, требующей немедленного противодействия. Возникающее при этом эмоциональное давление снижает критичность восприятия информации за счет отключения когнитивного канала, увеличивая период функционирования недостоверного текста и глобальный характер указанного воздействия.

Итак, анализ категорий неопределенности и интенсивности показывает их значимость при создании фейковых новостей, однако следует отметить, что представленные категории тесно связаны, что служит специфической чертой фейков и обеспечивает успешность реализации речевого воздействия. Например, в рассмотренном выше сообщении о необходимости истреблять снегирей как символ «имперского зла» данные категории тесно связаны, дополняя и взаимно усиливая друг друга. Так, интенсивность, представленная апеллятивными именами-прилагательными, наречиями-интенсификаторами и асертивными высказываниями, повышает эмоциональное напряжение, возникающее при восприятии «неопределенной» недостоверной информации, в то время как отсутствие значимых деталей и указания на конкретный объект фейка способствует усилению манипуляции и излишней драматизации описываемых событий. В случае со вторым примером – текстом о необходимости отказа от перехода на электронные паспорта в учреждениях здравоохранения – реципиент воспринимает подобное сообщение как шокирующую сенсацию, вызывающую ряд эмоций, от отрицания до негодования, в то время как преднамеренная интенсификация предмета речи и манеры изложения материала делает сообщаемую информацию более тревожной. Неопределенность, в свою очередь, блокирует критическое мышление адресата (частично или полностью нейтрализует, т. е. делает его бесполезным), оставляя лишь один канал для восприятия информации – эмоциональный. При этом семантика «интенсивности», и без этого направленная через эмоциональный канал, получает дополнительный импульс, повышающий степень эффективности ее воздействия. Иными словами, синергетический эффект анализируемых категорий значительно усиливает речевое воздействие, определяя специфику механизма функционирования фейка.

Заключение

На основании проведенного исследования мы пришли к следующим выводам. Необходимость изучения лингвистических признаков фейковых новостей в рамках современной юридической лингвистики связана с необходимостью идентификации недостоверных материалов и предотвращения их дальнейшего распространения. Успешное выполнение данной задачи возможно лишь при установлении специфических признаков реализации фейковых текстов в рамках медиадискурса, среди которых значительная роль отводится категориям неопределенности и интенсивности. Комплексный – собственно языковой, функциональный и прагматический – анализ представленных категорий позволил выявить типичные средства их репрезентации в поддельных материалах. В результате корпусного исследования нами было установлено, что для категории неопределенности репрезентативными являются вводно-модальные слова со значением «неуверенности», сочетания *как бы* и *якобы*, имена прилагательные *известный, определенный, неопределенный* и их производные на лексическом уровне, неопределенные и определительные местоимения, лексема *один* и частицы *ли* и *вроде* на морфологическом уровне, а также тема-рематическое членение предложения, инверсия и вопросительные конструкции на синтаксическом уровне. Для категории интенсивности собственными средствами выражения выступают апеллятивные имена прилагательные-интенсификаторы, наречия-интенсификаторы, глагольные форманты, формы суперлатива и элатива, а также побудительно-восклицательные и вопросительно-восклицательные конструкции, функционирование которых направлено на усиление воздействия на эмоциональный канал и блокировку критического мышления, что препятствует своевременной верификации фейка. Помимо этого, в рамках исследования были установлены лингвистические средства, которые в достоверных текстах служат типичной особенностью медиадискурса, в то время как в фейковых материалах они являются средством маскировки недостоверной информации, помогающим скрыть подлог и увеличить срок функционирования фейка: лексические единицы со значением класса объектов действительности как единое целое, индивидуальные имена собственные со значением индивидуализирующей определенности и неопределенно-личные и безличные конструкции для категории интенсивности и деинтенсификаторы, отрицательные местоимения, приставки-интенсификаторы и превосходная степень имен прилагательных и наречий.

Функции рассмотренных лингвистических категорий весьма разнообразны. Во-первых, средства выражения категории определенности-неопределенности способствуют блокировке критического мышления реципиента,

что упрощает реализацию речевого воздействия. Во-вторых, подобные конструкции обладают существенным манипулятивным потенциалом: элиминируя детали, значимые для верификации сообщения, создатель фейка затрудняет идентификацию подделки и расставляет смысловые акценты в соответствии со своей коммуникативной интенцией. В-третьих, средства выражения категории интенсивности, помимо интенсификации предмета фейка, блокируют логический канал, оставляя актуальным лишь эмоциональный. Кроме того, они направлены на формирование у реципиента значительной эмоциональной реакции, часто негативной, конфронтационной направленности, или даже желания совершить действия деструктивного характера, соответствующие интересам коммуникатора.

Кроме того, было установлено, что категории неопределенности и интенсивности тесно связаны в фейковых текстах, при этом именно синергетический эффект указанных категорий позволяет снизить критическую оценку сведений, создав эффект «эмоциональной убедительности», заставляющий реципиента принимать полученную информацию на веру, без осуществления тщательной верификации, столь необходимой в условиях современного медиадискурса.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать изучение влияния прочих лингвистических факторов на функционирование и распространение фейковых новостей, а также разработку автоматизированных моделей для выявления фейков с учетом сочетания различных лингвистических категорий, включая неопределенность и интенсивность.

Материалы исследования | Research materials

1. Васильев А. Наркотики под видом конфет: во Владивостоке школьников и их родителей пугают «земляничкой» // Комсомольская правда. 2018. <https://www.dv.kp.ru/daily/26881.4/3924843/?ysclid=min4zilqwo453107318>
2. Ляув Б., Ищенко Н. Москва может закрыться на карантин // Ведомости. 2018. <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/17/825437-moskva-mozhet-zakritsya-na-karantin>
3. На Украине педагоги учат детей убивать снегирей // News NSK. 2014. <http://news-nsk.com/na-ukraine-pedagogi-uchat-detej-ubivat-snegirej.html>
4. Переход на цифровые паспорта ребенка – прямое согласие на торги органами // Telegram. 2022. <https://t.me/IesusXristos/10584>
5. По Барнаулу разбросаны заминированные предметы // Telegram. 2023. <https://lapsha.media/feiky/po-barnaulu-razbrosany-zaminirovannye-predmety/>
6. «Похищение» скифского золота в Амстердаме: подробности // Новости Крыма. 2018. <http://news.allcrimea.net/news/2018/9/20/pohoshenie-skifskogo-zolota-v-amsterdam-podrobnosti-108207/>
7. Просим распространить // Telegram. 2022. t.me/lygaoper/21641
8. Словарь русского языка: в 4 т. Изд-е 4-е, стер. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (MAC).

Источники | References

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Беляева Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985.
3. Галяшина Е. И. «Фейкинг» как новая угроза медиабезопасности: лингвоюридический аспект // Этнопсихоллингвистика. 2021. № 2 (5). <https://doi.org/10.31249/epl/2021.02.01>
4. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
5. Денисов М. А., Хорошева Н. В. Проблема определения термина «Манипулирование» в работах российских исследователей // Политическая лингвистика. 2015. № 2.
6. Ильченко С. Н. Газлайтинг: трансформация манипуляции от частного к общему в практике современных медиа // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18. № 3. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2023-18-3-153-163>
7. Ильченко С. Н. Фейк как антиисточник информации: риск для профессиональных стандартов журналистики // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 5. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2018-13-5-70-76>
8. Ильченко С. Н. Фейковая журналистика как элемент современной шоу-цивилизации // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2016. Т. 22. № 3 (153).
9. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: дисс. ... д. филол. н. М., 2008.
10. Иссерс О. С. Медиафейки: между правдой и мистификацией // Коммуникативные исследования. 2014. № 2.
11. Казаковская В. В., Онипенко Н. К. Грамматика точки зрения: вводно-модальные слова в речи взрослых и детей // Проблемы функциональной грамматики: отношение к говорящему в семантике грамматических категорий / отв. ред. В. В. Казаковская, М. Д. Воейкова. М.: ЯСК, 2020.
12. Клеменова Е. Н., Кудряшов И. А. Заголовки-суждения в англоязычных массмедийных текстах: эпистемическая модальность, деонтическая модальность, эвиденциальность // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2018. Т. 17. № 6. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2018-17-6-97-107>

13. Копнина Г. А. Речевая манипуляция в массмедийном тексте/дискурсе: проблема распознавания // Филология и человек. 2021. № 3. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2021\)3-04](https://doi.org/10.14258/filichel(2021)3-04)
14. Копнина Г. А. Речевое манипулирование. М.: Флинта, 2008.
15. Лихачева А. Б. Интенсификация высказывания как проявление русского коммуникативного стиля // Slavistica Vilnensis. 2012. Т. 57.
16. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.
17. Меликян В. Ю., Меликян А. В. Грамматика динамических трансформаций языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 2. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2024-2-80-92>
18. Николаева Т. Н. Акцентно-просодические средства выражения категории определенности-неопределенности // Николаева Т. Н. Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1979.
19. Почепцов Г. Г. Информационные войны. М.: Алгоритм, 2015.
20. Стернин И. А., Шестерина А. М. Маркеры фейков в медиатекстах. Воронеж: РИТМ, 2021.
21. Трофимова В. А., Меликян В. Ю. Коммуникативное давление в системе видов речевого воздействия // Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции, Москва, 05-06 октября 2021 г. М., 2022.
22. Туранский И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высш. шк., 1990.
23. Уляшева Я. О. Логико-философский анализ понятийной категории определенности-неопределенности // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2006. № 2.
24. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: автореф. дисс. ... д. филол. н. Волгоград, 2000.
25. Gal S., John J. Gumperz's Discourse Strategies // Journal of Linguistic Anthropology. 2013. Vol. 23. № 3.
26. Míguez V. On epistemic modality and discourse strategy: Evidence from Galician adverbs // Journal of Pragmatics. 2022. Vol. 201.
27. Murray S. E. Evidentiality, modality, and speech acts // Annual Review of Linguistics. 2021. Vol. 7. № 1. <https://doi.org/10.1146/annurev-linguistics-011718-012625>
28. Pennycook G., Bear A., Collins E. T., Rand D. G. The implied truth effect: attaching warnings to a subset of fake news headlines increases perceived accuracy of headlines without warnings // Management science. 2020. Vol. 66. № 11. <https://doi.org/10.1287/mnsc.2019.3478>
29. Searle J. R. Mind, Language and Society: Philosophy in the Real World (summary of earlier work). N. Y.: Basic Books, 1999.
30. Tandoc Jr. E. C., Lim Z. W., Ling R. Defining "fake news": a typology of scholarly definitions // Digital journalism. 2018. № 2 (6).
31. Tversky A., Kahneman D. Judgment under Uncertainty: heuristics and Biases: biases in judgments reveal some heuristics of thinking under uncertainty // Science. 1974. Vol. 185. № 4157.
32. Wang C. C. Fake news and related concepts: definitions and recent research development // Contemporary Management Research. 2020. № 3.

Информация об авторах | Author information

Ляшенко Дарья Игоревна¹

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Darya Igorevna Lyashenko¹

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don

¹ dlyashenko@sfedu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 07.11.2025; опубликовано online (published online): 02.12.2025.

Ключевые слова (keywords): фейковые новости; речевое воздействие; категория определенности-неопределенности; категория интенсивности; медиадискурс; fake news; linguistic influence; category of definiteness-indefiniteness; category of intensity; media discourse.